

Хотелось бы рассказать об Анатолии Петровиче Мальцеве. Я его знал с раннего детства – мы познакомились в детсади́ке. Это было трудное послевоенное время. Нас, детей, взрослые оберегали, давали лучшее. Помню, что заведующая детсадом была добрая женщина, любила детей. Эта любовь была и у воспитателей. Кормили нас хорошо и вкусно – это в те времена было не так просто. Как сейчас помню конфеты «Перемога» в красной обертке.

Вот здесь я познакомился с Толиком. Он приходил со своей старшей сестрой Вале́й, их провожала мама, чуть позже, после знакомства, я называл её «тётя Зина». Детвора занималась играми, многие рисовали, кто-то играл на губной гармошке. Толик вместе с Вале́й играли с куклами в центре большой песочной клумбы. Мне запомнилась эта игра, а с Вале́й и Толе́й я подружился с тех пор.

Уже после того, как я подружился с Толиком, стал чаще общаться с его мамой. Отца у Толи не было – он погиб во время Великой Отечественной войны ещё до рождения своего сына. Тётя Зина показывала письмо от своего мужа, в котором он просил назвать ещё не родившегося сына Анатолием. Толик появился на свет в марте 1942 года и отца своего никогда не видел.

Тётя Зина одна воспитывала двух маленьких детей. Помню, она рассказывала о трудностях во время Великой Отечественной войны. Она была одна, на руках маленькие дети, даже за продуктами сходить было некогда, да и куда детей оставишь? «Я посадила детей в тачку, – рассказывала она, – взяла всякие ценные вещи менять на продукты. Потому что

в доме оставлять детей было не с кем». А ведь вокруг бушевала война, были бомбёжки, обстрелы.

В семилетнем возрасте мы с Толиком пошли в школу (№39, в Малой Вергунке) и оказались в одном классе. Мальчик он был степенный, спокойный, небалованный. Был легкоранимым, из-за обиды или несправедливости мог заплакать. Уже будучи в 5-м классе во дворе школы мы играли в футбол. Кто-то из ребят выхватил из под ног Толика мяч. Уже не могу вспомнить точно подробности, в чем именно была закавыка, но помню, что Толик заплакал.

Учился он очень прилежно, но в хорошисты так и не мог выбиться. Уж не знаю, в чем тут дело. Сам Толя был уверен, что некоторые учителя занижают ему оценки. Помню, что в 8-м классе классная руководительница хотела сделать его хорошистом, стала она просить преподавателя по черчению поставить Толику четверку, но тот наотрез отказался. По иронии судьбы, Анатолий окончил позднее вуз и стал сам учителем математики и черчения.

Помню ещё такой случай. Однажды в школе было родительское собрание. Мы наблюдали с ним с улицы за тем, как сидят в классе наши родители. Я показал ему своего отца. «Красивый у тебя отец», – задумчиво и с грустью сказал он. Я ему ничего не ответил, только улыбнулся. А он пошел домой не оборачиваясь. Мне сейчас кажется, что он в детстве остро переживал то, что не знал своего отца, был лишен отцовского внимания.

Школьные годы пролетели, как с горки вниз. Отслужили в армии, завершили обучение. Стали жить взрослой жизнью. Но своей дружбы не прерывали.

Толик порою ко мне обращался с просьбами помочь в оформлении его есенинианы. Как художник-оформитель, владеющий шрифтовым искусством, я помог ему оформить альбом. В альбоме были портреты родственников Есенина, его друзей, знакомых писателей. Сюда же были вложены автографы – письма многих людей, лично знавших великого поэта. С ними Анатолий переписывался, со многими лично встречался. По есенинским местам он отправлялся на Кавказ. Здесь, кажется, он повидался с Шаганэ, от неё он много узнал интересного.

У Анатолия часто собирались компании друзей, приятелей. Время незаметно текло под интересные беседы. Толик очень любил юмор, и сам шутил, и чужие шутки ценил. Помню, как-то приехал к нему крестный сын с компанией друзей. Я также оказался тогда у него в гостях. И вот я стал рассказывать анекдоты о Ходже Насреддине. Публика с удовольствием слушала, а Толик так расхохотался, что стал просить меня: «От смеха мне плохо, отдохни, потом продолжим». Таким он мог быть беспредельно весёлым.

Но не всегда он был весел. Порою бывал он грустным. «Остался я один», – часто повторял он. Мы его старались успокоить: «Мы тебя одного не оставим, и дочь у тебя есть». Последнее время он с дочерью не ладил.

В одно субботнее время мы засиделись до утра.

– Ты любишь Есенина? – спросил он.

– Да, непременно я люблю его поэзию, но мой любимый поэт Лермонтов.

– Давай с тобой заключим договор. Если ты что-то узнаешь о Есенине – приноси мне, а я буду приносить тебе о Лермонтове.

Я увлекался Лермонтовым, бывал в Лермонтовских местах, не раз писал картины, посвященные поэту. И наш договор принес нам обоюдную пользу.

При встречах Толик не раз вспоминал разные забавные случаи из своей жизни. Помню, как-то рассказывал он о таком курьезе из своей армейской жизни. Однажды отделение командира Мальцева (он был командиром ракетного расчета) выполнило задание на «отлично». Пришлось докладывать генералу. От волнения Толик назвал его лейтенантом, но генерал лишь улыбнулся, всё понял, не стал придираться к Толику. «Ваша ракета попала точно в цель, – сказал генерал. Вам объявляю десять суток отпуска».

Когда я закончил учёбу в художественном училище, Толик пришел ко мне в гости. Я ему показал свои студенческие работы. Он спросил: «А что будет дальше?». Я ответил: «Не знаю, что будет дальше. Но буду работать, писать. Ведь этому меня учили». Он всегда интересовался моими картинами, я с радостью нес ему их – для дружеской оценки, совета. Его мнением я дорожил.

Толику хотелось одно время открыть свою художественную выставку под названием «Не боюсь быть непризнанным». Такой плакат я ему оформил.

Последнее время он жаловался на здоровье. Так случилось, что умирал он на моих глазах. Всё время он лежал, был в сознании, всё так же говорил об искусстве и литературе. Я непрерывно ему рассказывал интересные истории, старался его ободрить. Всё время он пил только чай. Я у него спросил: «Почему ты не кушаешь?». Толик сказал: «Я уже давно ничего не ем. У меня нет аппетита». Так он ответил. Я все-таки надеялся, что ему станет лучше.

Но внезапно ему стало еще хуже. Он хотел взять таблетку, но всё содержимое упало на пол. Тогда он успел позвонить дочери: «Приезжай, мне очень плохо». Эти слова были его последними словами. Вызвали скорую. Приехала и дочь, и скорая. Но в карете скорой помощи на территории 4-й горбольницы он скончался.